

ЗА ФАСАДОМ БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ

Генерал-полковник И. В. Шикин

Прошло более четверти века с тех пор, как вторая мировая война, развязанная гитлеровской Германией, завершилась разгромом и полным крахом «третьего рейха». Страшную цену заплатило человечество за попытку фашистской Германии установить мировое господство, уничтожить или превратить в рабов многие народы, а в первую очередь стереть с лица земли главное препятствие для осуществления захватнических, человеконенавистнических планов — Советский Союз. Советский народ вынес на своих плечах основную тяжесть этой войны. Отстояв свободу и независимость социалистической Родины, он нанес сокрушительное и решающее поражение гитлеровским полчищам, спас человечество от угрозы фашистского порабощения. «Бессмертный подвиг во имя социализма, — говорится в Тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, — свершил наш народ под руководством Коммунистической партии, продемонстрировав массовый героизм в Великой Отечественной войне. Эта война явилась и тягчайшим испытанием и школой мужества. Она закончилась великой победой потому, что социализм обеспечил несокрушимое единство всего советского общества, мощь и невиданную мобильность его экономики, высокое развитие военной науки, воспитал замечательных воинов и военачальников»¹. Разгром гитлеровской Германии означал победу сил мира и демократии над империалистической реакцией, открыл дорогу новому бурному развитию мирового революционного процесса. Социализм вышел за рамки одной страны, образовалась мировая система социализма. Наступил крах позорной колониальной системы империализма; в Азии, Африке, Латинской Америке появились молодые независимые государства.

Именно поэтому империалистическая реакция, вложившая в руки гитлеровских разбойников меч агрессивной войны, не жалеет ныне сил и средств, чтобы исказить правду о великой освободительной миссии советского народа и умалить его решающий вклад в дело разгрома фашистских агрессоров. Искажение исторических фактов стало излюбленным оружием антикоммунизма в идеологической войне против СССР, которая приобрела в ряде капиталистических стран характер государственной политики. Вдохновителем и штабом этой грязной войны являются США, их пресловутый военно-промышленный комплекс, на службу которому поставлены все правительственные учреждения. Фальсификаторы — это отнюдь не заблуждающиеся люди. Они преднамеренно, за высокое вознаграждение, на которое не скупятся их империалистические хозяева, извращают политику Коммунистической партии и Советского правительства в годы второй мировой войны. И

¹ «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС». М. 1969, стр. 23.

это не ново. «Не то важно,— писал В. И. Ленин еще в 1913 г.,— кто отстаивает непосредственно известную политику,— ибо для защиты всяких взглядов при современной благородной системе капитализма любой богач всегда сможет «нанять» или купить, или привлечь любое число адвокатов, писателей, даже депутатов, профессоров, попов и так далее. Мы живем в торговое время, когда буржуазия не стесняется торговать и честью и совестью»².

Известно, что во время войны наиболее реакционные круги Великобритании и США ставили своей целью ослабить и обескровить не только своего главного соперника в борьбе за мировое господство — Германию, но и своего союзника по антигитлеровской коалиции — Советский Союз. Правительства этих стран дважды нарушили свои торжественные обещания открыть второй фронт в Европе (в 1942 и 1943 гг.). И лишь когда всем стало ясно, что Красная Армия одна в состоянии разгромить фашистскую Германию и освободить Европу, Великобритания и США высадили свои войска в Нормандии. Только страх перед социализмом заставил их наконец открыть второй фронт. В своих мемуарах бывший премьер-министр Англии У. Черчилль писал: «Коммунизм поднимал голову за победоносным русским фронтом. Россия была спасительницей, а коммунизм — евангелием, которое она несла...». Именно это обстоятельство вынудило западных союзников изменить тактику, которой они придерживались ранее, и принять новый план. Этот план Черчилль изложил так: «Немедленно создать новый фронт, и этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на Восток; главная и подлинная цель англо-американских войск — Берлин»³.

Уроки истории не пошли впрок империалистам США и Англии. После победы над фашистской Германией они сразу же вернулись к довоенной политике сговора с западногерманскими милитаристами и рваншистами и выступают против СССР в едином строю с неофашистскими кругами ФРГ. Главная установка, которую получают фальсификаторы от своих хозяев в освещении итогов войны,— любой ценой умалить роль Советского Союза в разгроме фашистских агрессоров, принизить военное искусство Советских Вооруженных Сил и боевое мастерство их личного состава, извратить характер освободительной миссии Красной Армии. В буржуазной литературе по истории второй мировой войны, которая наводнила книжные рынки западных стран, распространяется лживая версия, будто разгром фашистской Германии был решен открытием второго фронта в Европе, а главной силой в достижении этого разгрома явились армии США и Англии.

Нет смысла полемизировать с фальсификаторами истории по этому вопросу. Приводимые ниже данные говорят сами за себя. С июня 1941 до середины 1944 г. на советско-германском фронте одновременно сражались от 190 до 270 дивизий противника, в то время как против английских и американских войск в Северной Африке и Италии — от 16 до 46 дивизий. Даже после запоздалого открытия второго фронта в Европе (лето 1944 г.) картина существенно не изменилась: англо-американским войскам противостояла 81 фашистская дивизия; против Красной Армии действовало 239 дивизий, из них свыше 180 — немецких. Советские Вооруженные Силы разгромили 607 вражеских дивизий, а союзники разгромили в Северной Африке, Италии и Западной Европе 176 дивизий. Фашистская Германия потеряла на советско-германском фронте 10 млн. чел. (из 13 млн. 600 тыс. всех потерь), три четверти своей авиации, большую часть танков и артиллерии⁴.

² В. И. Ленин. ПСС. Т. 23, стр. 61.

³ W. Churchill. The Second World War. Vol. 6. Boston. 1953, p. 456.

⁴ См. «50 лет Вооруженных Сил СССР». М. 1968, стр. 454, В. С. Рябов. Великий подвиг. М. 1970, стр. 250.

Ни в какой мере не хотим умалить усилий всех стран антигитлеровской коалиции. Но факты — упрямая вещь. Они неоспоримо свидетельствуют, что не второй фронт и англо-американские войска, а советско-германский фронт и Советские Вооруженные Силы, разгромившие основную часть гитлеровских войск, предопределили полный крах фашистской Германии. Этот неопровержимый факт в свое время признавал даже У. Черчилль. В послании И. В. Сталину от 27 сентября 1944 г., то есть уже после открытия второго фронта, он отмечал: «Именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины и в настоящий момент сдерживает на своем фронте несравненно большую часть сил противника»⁵. Эту оценку он вскоре постарался «забыть» и перечеркнуть. Не вспоминают о ней и современные фальсификаторы истории.

В последнее время яростным нападкам многих западных историков и публицистов подвергаются важнейшие битвы и операции Красной Армии, принижается их значение. Одновременно непомерно преувеличивается роль отдельных операций англо-американских войск. Одним из родоначальников этой, с позволения сказать, историографии явился не кто иной, как тот же Черчилль. Еще в 1942 г. он без зазрения совести раздувал значение высадки англо-американских войск в Северной Африке, стремясь убедить общественное мнение, что эта операция, имевшая ограниченное значение, и есть подлинный второй фронт⁶. Столь бесцеремонное обращение с фактами покорило даже американского генерала А. Ведемейера, который прямо заявил, что «Черчилль страшно преувеличивал значение победы союзников в Африке»⁷. Вторя Черчиллю, американский генерал О. Брэдли в своей книге «Записки солдата»⁸ подробно описывает кампанию англо-американских войск в Тунисе и ни слова не говорит о том, какое влияние на эту операцию оказала Сталинградская битва. Кому-кому, а ему-то хорошо известна грамота президента США Ф. Рузвельта, направленная им Сталинграду, в которой отмечалось, что славная победа доблестных защитников города «остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны Союзных Наций против сил агрессии». В ходе Сталинградской битвы, с 17 июля 1942 по 2 февраля 1943 г., фашистская Германия и ее сателлиты потеряли 25 процентов всех сил, действовавших на советско-германском фронте⁹. В какое же сравнение с ними идут 12 дивизий (из них 8 итальянских), противостоявших англо-американцам во всей Северной Африке в период сражения под Эль-Аламейном?¹⁰ Американский разбойник пера К. Райен в стремлении угодить своим империалистическим хозяевам пошел еще дальше и в книге «Последняя битва»¹¹ битву за Берлин, где было окончательно сломлено сопротивление гитлеровских полчищ, тогда еще располагавших значительными силами, просто объявил «мифом», «досужим вымыслом советских историков».

Значительная часть буржуазных авторов старается изобразить дело так, будто не Красная Армия победила, а немецко-фашистская армия проиграла войну, причем проиграла из-за роковых просчетов и военной некомпетентности Гитлера. Замалчиваются источники могущества советского народа и его Вооруженных Сил в Великой Отечествен-

⁵ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», Т. 1. М. 1957, стр. 260.

⁶ Там же, стр. 59.

⁷ См. В. Трухановский. Уинстон Черчилль. М. 1968, стр. 350.

⁸ О. Брэдли. Записки солдата. М. 1957, стр. 20.

⁹ «50 лет Вооруженных Сил СССР», стр. 351.

¹⁰ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», Т. 3. М. 1961, стр. 79.

¹¹ С. Ryan. The Last Battle. N. Y. 1966, p. 571.

ной войне; распространяется версия о решающем влиянии на исход военных операций сильных холодов, распутицы («генерал-мороз», «генерал-грязь»). Вот, например, что пишет один из битых гитлеровских вояк, генерал-майор фон Бутлар: «И совсем не русская армия, а сам бог погоды остановил стремительное наступление немецких танковых сил в тот момент, когда их цель была уже совсем близка»¹¹. Вместе с фальсификаторами, действующими грубо, без маски, есть немало фальсификаторов, пытающихся прикрыть свои намерения флёром доброжелательства, видимостью объективности и беспристрастности. И здесь поневоле приходят на память параллели из романов великих писателей прошлого. В этих литературных произведениях не раз встречаются описания импозантных домов, внешне производящих хорошее впечатление: массивная, но изящная постройка, большие окна, удобный вход, привлекательный садик, настежь распахнутые фигурные ворота — всё создает впечатление порядочности и сразу располагает посетителя к архитектору и хозяевам. Однако за внешним фасадом может скрываться кто и что угодно. Порою вошедший действительно находит в доме уютную обстановку и милых людей, порою же он бывает жестоко обманут. Это противопоставление как литературный прием было подсказано писателям самой жизнью. Справедливость их наблюдений, увы, подтверждается и ныне: истина познается изнутри. Войдем же в «дом, который построил Гарри», познакомимся не только с фасадом, а и с тем, что за этим фасадом скрывается...

Гаррисон Солсбери не новичок в возведении литературных сооружений. Это опытный журналист, немало поездивший по свету. Бывал он и в Советском Союзе. Впервые приехал в нашу страну в 1944 г. в качестве главы пресс-бюро агентства «Юнайтед пресс» и тогда же побывал в Ленинграде, только что вырванном Красной Армией из тисков блокады. Перейдя в газету «Нью-Йорк таймс», он стал в 1949 г. ее московским корреспондентом. Уехав в 1955 г., Солсбери снова бывал в СССР в 1961, 1962 и 1967 годах. Его перу принадлежит не одна книга и не одна сотня статей. Новая конструкция этого «архитектора», о которой и пойдет здесь речь, — весьма объемистый (в 635 стр.) труд «900 дней: осада Ленинграда»¹². Материалы для конструкции собирались, исследовались и подготавливались автором в течение четверти века. Таким образом, это не случайный опус, а давно вынашивавшееся детище, в котором воплотилось авторское credo.

Фасад производит на первый взгляд доброе впечатление. Среди использованных Солсбери литературных источников указаны труды советских историков, мемуары видных наших военачальников, произведения многих писателей и поэтов, в том числе участников Великой Отечественной войны, очевидцев ленинградской блокады. На фронте красуется подкупающая надпись: «Посвящается людям Ленинграда». А эпиграфом к своей книге автор взял волнующие слова ленинградской поэтессы Ольги Берггольц: «Никто не забыт и ничто не забыто». Эти замечательные слова призывают всех, кому дороги мир и свобода на Земле, помнить о зверствах фашистских захватчиков, об их варварских действиях и бредовых планах, о миллионах жертв, павших от руки врагов человечества; помнить о бессмертных делах и героических подвигах ленинградцев и всех советских людей. Эти слова вместе с тем предупреждают и побуждают не проходить мимо того, что кое-где фашизм под разными обличьями снова поднимает голову.

Знакомство с книгой, пожалуй, сначала может обмануть невнимательного читателя. В ней приведено, хотя и вразброс, немало отдель-

¹¹ «Война в России». М. 1957, стр. 179.

¹² Harrison E. Salisbury. The 900 Days: The Siege of Leningrad. N. Y. and Evanston. «Harper and Row». 1969.

ных примеров мужества защитников Ленинграда, доблести военнослужащих Красной Армии и гражданских лиц. Но такое впечатление, даже если оно и возникнет, быстро рассеивается и уступает место сначала недоумению, потом справедливому возмущению и, наконец, чувству безразличия. Мне — участнику битвы за Ленинград, в первый, наиболее тяжелый год войны работавшему заместителем, а затем начальником Политического управления Ленинградского фронта, военным комиссаром Ладожской ледовой дороги, — особенно наглядно видно, что проделал Солсбери с историей великой битвы за Ленинград.

Свою книгу Солсбери назвал «900 дней: осада Ленинграда». Название обязывает автора показать, в чем же сущность этих дней, чем они заполнены? У Солсбери это одни лишь муки и страдания людей, попавших в блокаду, их пассивное ожидание голодной смерти. Но ведь в действительности 900 дней блокады — это прежде всего беспримерная битва, которую вели не только героические защитники города, но и весь советский народ. Великие идеи коммунизма явились неисчерпаемым источником мужества и стойкости ленинградцев, их высокого морального духа и безграничной преданности Родине. Моральная поддержка и материальная помощь Ленинграду всей страны, неустанная забота Центрального Комитета Коммунистической партии, Государственного Комитета Обороны и Советского правительства о защитниках города, умелое руководство Ставки Верховного Главнокомандования и Военного совета Ленинградского фронта боевыми действиями войск, мобилизация всех сил ленинградцев, многогранная деятельность ленинградской партийной организации обеспечили победу над озверелыми немецкими полчищами, осаждавшими город. Вот почему гитлеровская армия терпела у стен Невской твердыни одно поражение за другим. Провал плана захватить город с ходу, а затем штурмом (июль — сентябрь 1941 г.); провал плана сломить сопротивление защитников города голодом, авиационными бомбежками и артиллерийскими обстрелами (октябрь 1941 — март 1942 г.); провал плана возобновить штурм города (лето 1942 г.); поражение немецко-фашистских войск юго-восточнее Ладожского озера и прорыв блокады Ленинграда (январь 1943 г.); и, наконец, апофеоз этой великой битвы — полная ликвидация блокады и окончательный разгром немецко-фашистской армии под Ленинградом (январь — февраль 1944 г.) — вот истинное содержание 900 дней.

Читатель не найдет в книге Солсбери не только объективного освещения большинства этих главных событий, но порою даже упоминания о них. Тенденциозность автора выдает уже самая структура книги: часть I — «Ночь без конца» (12 глав, 130 страниц) — касается предшествовавшего войне периода и непосредственно ее начала; часть II — «Летняя война» (14 глав, 140 страниц) — доводит изложение до сентября 1941 г.; часть III — «Ленинград в блокаде» (10 глав, 120 страниц) — охватывает осень 1941 г.; часть IV — «Самая долгая зима» (10 глав, 130 страниц) — зиму 1941/42 и весну 1942 г.; последняя, V часть — «Прорыв железного кольца» (3 главы, 50 страниц) — сначала повествует о Любаньской операции Красной Армии весной 1942 г., затем об операции «Искра» (прорыв блокады во вторую военную зиму), а конечные ее страницы заполнены общими рассуждениями и литературными реминисценциями; эпилог (15 страниц) переносит читателя в 1948—1949 гг.; остальные страницы книги уделены справочному аппарату. Итак, сразу же бросается в глаза, что из 900 дней блокады Солсбери говорит лишь о 500, а последние 400 дней, когда готовился и осуществлялся разгром фашистских войск под Ленинградом, у него «испарились». Вот первый коренной порок книги.

Однако дело заключается не только в этом. В книге нельзя найти сколько-нибудь последовательного анализа конкретных событий на фронтах и в самом Ленинграде в порядке исторической преемственности.

Текст представляет собою «слоеный пирог», состоящий из пересказанных в довольно развязной манере военных сводок, выступлений политических деятелей, воспоминаний военачальников, газетных статей, отрывков из прозаических и поэтических произведений художественной литературы, неизвестно кем сообщенных автору слухов и т. д. Ссылок на используемые работы с указанием их названий и цитируемых страниц очень немного. Обычная манера выражаться у Солсбери такова: «как говорит Вишнеvский», «по словам Тихонова», «Лукницкий заметил, что...», «согласно Берггольц», «по мнению Федюнинского», и т. п. При этом никак нельзя определить, где кончается мысль цитируемых авторов, а где начинается точка зрения Солсбери. Одно приклеено к другому, непосредственно перерастает в него, сплетено в единую ткань повествования и создает общий неразрывный фон. Перечислены сотни лиц, и многим из них «подсовывается» вовсе не то, что они думали и говорили. Затумирование авторской позиции, стремление спрятаться за чужую спину, на которую самим же автором надето чужое платье,— второй коренной порок данной книги.

Неправильно было бы думать, что рассказ Солсбери хаотичен, хотя в нем сплошь и рядом наблюдается перепрыгивание от события к событию через месяцы или даже годы и от сюжета к сюжету. Это продуманный хаос, трезво взвешенный, литературно прочно скомпонованный и подчиняющийся внутренней планировке, заранее намеченной и строго соблюдаемой. Сквозь плывущую в русле времени мозаику дел и явлений проглядывает жесткий каркас общей концепции. Солсбери может сказать: «Я не ученый, а журналист. Моя книга — не учебное пособие, а очерки по следам событий, зарисовки на основе сотен просмотренных мною источников той эпохи. Моя задача — не перечислять факты, а создать определенное впечатление». Тем не менее возникает вечный вопрос, от ответа на который не избавляется никто, включая журналистов типа Солсбери: как насчет исторической правды? Солсбери не ставит свои суждения и выводы под сомнение даже тогда, когда он прячется за спасительными «вероятно», «очевидно», «рассказывают», «не исключена возможность», «как говорят» и т. д. В целом же тон его всюду тверд и безапелляционен, выводы — всеохватывающие, точка зрения — вроде бы единственно возможная, манера повествования — дидактическая, предъявляемые историческим деятелем обвинения — прокурорски «неотразимы». Однако лицо, претендующее на правду, берет на себя полную ответственность за написанное им. Что касается колоритности и навевания некоего впечатления, то цветистость действительно лезет из всех абзацев сочинения, впечатление же создается вполне определенное, и мы сейчас о нем скажем. Но сначала два слова об общей канве подобранных фактов.

Можно ли понять ход событий в заблокированном Ленинграде и вокруг него в отрыве от хода событий войны в целом, прежде всего на советско-германском фронте? Думается, что ни понять, ни правильно осветить таким способом историю битвы за Ленинград немислимо. В книге же Ленинград дан сам по себе. Как будто вообще не было боевых операций Красной Армии против немецких групп армий «Центр» и «Юг», в результате чего фашистские силы дробились, их резервы от осажденного города оттягивались, а штурм срывался; как будто, в свою очередь, Ставка Советского Верховного Главнокомандования не должна была разумно распределять силы между всеми фронтами, вследствие чего невозможно было бросить всю Красную Армию лишь на прорыв блокады и ослабить оборону Москвы, Украины, Поволжья и Кавказа; как будто история не знала битв за Москву, за Сталинград и на Курской дуге, которые оказали огромное влияние и на судьбу Ленинграда и на ход как Великой Отечественной, так и всей второй мировой войны.

Игнорирование этого главного требования научного подхода к изложению событий — третий коренной порок книги Солсбери.

А теперь — о «впечатлении», старательно создававшемся автором книги. Если читатель, незнакомый с сочинениями, на которые неоднократно ссылается Солсбери, захотел бы составить о них представление на основе авторских ремарок, он неминуемо впал бы в заблуждение. Дело в том, что Солсбери интересует не общая направленность используемого им сочинения или позиция его автора, а только такие места, которые он мог бы сделать составной частью своего монтажа. С этой целью им выбрасывается всё не подходящее под его концепцию; кусочками выкраивается остальное, а затем вчлняется в конструкцию. Что же интересует Солсбери? Преимущественно негативные стороны явлений. Однако и здесь выбираются им лишь те детали, которые он как-то пытается связать с «неумной» деятельностью советских граждан или их руководителей. Если же повествование дает повод сказать, например, о зверствах фашистов, о чинившихся ими разрушениях и кровавом терроре, об их грязных целях и разбойничьих планах, то тут Солсбери соблюдает глухое молчание.

Как известно, советские писатели не относятся к числу тех, кто лакирует действительность. Солсбери пользуется этим обстоятельством, чтобы нахватать из их работ как можно больше отрицательного, такого, что обрисовало бы нашу жизнь только в дурном свете, а составляющие ее события — как бесконечную цепь печальных происшествий, одно ужаснее другого. Остальное им расчетливо отбрасывается. Возьмем, например, книгу Павла Лукницкого «Сквозь всю блокаду» (Л. 1964). «Используя» ее, Солсбери пишет: «Там и сям Лукницкий видел валявшихся в сугробах мужчин или женщин, умерших либо умирающих, в то время как остававшиеся в живых беспомощно теснились вокруг. Ни у кого не было сил похоронить павших»¹³. Нагромождая одну за другой подобные ссылки из упомянутой и других работ, Солсбери рисует картину общей апатии, опустошенности, безразличия, уныния и жертвенности. Если же мы возьмем в руки книгу Лукницкого, правдивую и тем самым еще более впечатляющую, в глаза сразу бросится ее боевой, патриотический, оптимистический тон. Достаточно лишь полистать эту книгу, чтобы моментально натолкнуться на такие, скажем, места: «Поразительно мужество ленинградцев — спокойное достоинство умирающих от голода, но верящих в победу людей, делающих всё, чтобы эта победа пришла скорее, хотя бы после смерти каждого из тех, кто отдает делу грядущей победы все свои действительно последние силы. Нет жалоб, нет упреков, нет неверия, — все знают, что победа придет, что она близка» (стр. 189); «У нас много говорилось о руководящей и организующей роли партии, мы к этим словам привыкли как к официальной формуле. Но только тот, кто сейчас, преодолевая смерть, борется, трудится в Ленинграде, только тот, кто сейчас ходит в бои (вслед за коммунистом — первым идущим в штыковую атаку), до конца понимает, какая это огромная — главная — сила нашей грядущей победы!» (стр. 200).

Солсбери многократно ссылается на Лукницкого, имея в виду, как явствует из указателя, его книги «Сквозь всю блокаду», «Ленинград действует», «На берегах Невы», но ни разу не удосужился процитировать хоть что-либо подобное приведенному нами. Равным образом поступает он и с другими нашими писателями. Тем самым он не только занимается искусственным выдергиванием цитаток и обрывков мыслей, но и кладет попутно тень вообще на советских литераторов. О подобном методе действий давно уже было сказано: «В области явлений

¹³ Ibid., p. 499.

общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры... Необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела»¹⁴. Сказано не в бровь, а в глаз г-ну Солсбери. Тенденциозный подбор деталей картины с нарочитой целью подпереть предвзятую концепцию — четвертый коренной порок его книги.

Читатель может спросить: а в чем же состоит самая эта концепция? Она вся упрятана автором в подтекст, вылезаящий наружу на каждой странице — с первой до последней. Для него ленинградская эпопея — лишь бесконечное хождение по мукам, причем большей частью неизвестно, во имя чего. Излагая факты, автор так их подбирает и группирует, дает такое им толкование, что заранее настраивает читателя на определенный лад и как бы заставляет задуматься: какой же тут, собственно, героизм, если ленинградцы не были воодушевлены никакой великой идеей, а просто сами обстоятельства вынуждали их действовать именно так, а не иначе? И у зарубежного читателя, который впервые узнал о ленинградской эпопее (а именно на такого читателя рассчитана книга), возникает не уважение и восхищение, а просто жалость к людям, которые оказались в блокаде, были беспомощны что-либо предпринять и с покорностью судьбе умирали от голода, болезней и бомбежек.

Историческая правда состоит в том, что осажденный город боролся и беспрестанно промил фашистские войска. В историю Великой Отечественной войны ленинградская эпопея вошла как одна из самых героических ее полос. Вопреки блокаде, голоду, ежедневным тяжелым жертвам, ленинградцы — и военнослужащие и гражданское население — с беззаветным мужеством отстаивали от злого врага каждую пядь Советской земли. Их коммунистическая гражданственность, их социалистический патриотизм, их вера в наше дело восторжествовали, и Ленинград, вместе с «Большой землей» прорвав кольцо осады, причинил врагу колоссальный урон и внес свой великий вклад в общую победу. Но у Солсбери не найдешь на это даже намек, у Солсбери он только страдает: сначала от «плохих лидеров»; потом от «дурно» ведшейся нами войны, а заодно и от сложившихся обстоятельств, «автоматически» вынуждавших ленинградцев делать то, что они делали; затем снова от «нехорошего руководства». Муки же, испытанные гражданскими лицами, беспредельны и очерчены Солсбери так, что книга в целом напоминает заубойную молитву. Да, трагического в дни блокады было много. Но и тогда, для ленинградцев, и позднее, в объективных исследованиях честных историков, было и остается ясным, что это — оптимистическая трагедия. А Солсбери каждую главу книги сознательно превращает в унылую панихиду по людям, которые-де мучились и страдали, порой сами не понимая, за что и почему. В его работе нет описания борьбы раненого титана, который ни на минуту не опускал меч борьбы, яростной и беспощадной, но священной и победоносной. Зато явственно звучит иная нота: пожалейте страдальцев. Жалость — благое чувство, когда оно воодушевлено великой идеей. Мы не просто жалеем павших и скорбим о них. Мы преклоняемся перед их воинским подвигом во имя Советской Родины, помним о нем и воспитываем новые поколения на этом подвиге. Конечно, требовать этого в полной мере от буржуазного журналиста с его ограниченным мировоззрением

¹⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 350—351.

ем было бы нереально, хотя и тут примешивается одно важное обстоятельство.

Опошляя образ сражавшегося Ленинграда и превращая его жителей, славных советских граждан, из героев в аполитичных страдальцев, Солсбери попутно пытается придать своей клевете особый характер. Кто виноват в их мучениях, кто вызвал все эти жертвы голодной блокады, артиллерийских обстрелов, авиационных бомбежек? Кто вторгся в нашу страну, осадил Ленинград, причинил ему страшные разрушения и опустошения? Тщетно ожидать, что Солсбери назовет гитлеровцев, заклеймит фашистское варварство. Вместо этого он тычет пальцем (в кого бы вы подумали?) в наше партийное и государственное руководство, на протяжении всей книги настойчиво стремясь отделить советский народ от его руководителей и противопоставить друг другу, внушить читателю негативное отношение к тем, кто возглавлял СССР в трудную годину и привел страну к эпохальной победе... Таков подтекст данной книги. Что касается советских людей, то для ответа в адрес г-на Солсбери достаточно будет короткой фразы: тщетные потуги!

Зато эту книгу прославляет буржуазная пресса. Хвалебные рецензии на нее были помещены в американских журналах «Тайм», «Ньюсуик», «Армор» и других. В «Бук уорлд» (вечернее приложение к газетам «Вашингтон пост» и «Чикаго трибюн») рецензент Д. Палмер просто распластался в поклоне перед Солсбери: последний «пишет с такой силой и умением, которым можно позавидовать. Книга выдающаяся». В редакционной рецензии «Тайма» Солсбери сравнивается со Львом Толстым, причем сравнение отнюдь не в пользу классика русской и мировой литературы: «У Толстого люди и сражения выглядят пассивными понятиями в непостижимой игре истории. Солсбери, скромный репортер-реалист, не позволяет себе роскоши поддаваться подобным рискованным увлечениям» (номер от 14.II.1969, стр. 72). К этому хвалебному хору присоединяется и английская «Таймс», где рецензент Макдональд пишет о книге: «Трудно было бы выкинуть из нее хотя бы полдюжины страниц, не нанеся книге реального ущерба. Мистер Солсбери, работавший в Москве для газеты «Нью-Йорк таймс», очень часто прибегает в беглой, эпизодической, индивидуализированной технике рассказа, свойственной кино. Никто лучше его не описал нерешительность, беспомощность, подозрительность и очевидную некомпетентность с русской стороны... Прочтя книгу, читатель знакомится со многим, чего он не знал».

Обратимся, однако, к конкретным фактам, используя которые автор ткет историческое полотно и подпирает ими свою концепцию. И пусть факты говорят сами за себя. Мы никогда не скрывали того, что вероломное нападение фашистской Германии на СССР поставило под угрозу самое существование Советской власти. Вопрос стоял тогда о жизни или смерти первого в мире государства рабочих и крестьян. Однако это не вызвало ни замешательства, ни тем более паники в нашей стране. Коммунистическая партия и Советское правительство, еще задолго до войны уделявшие исключительное внимание укреплению обороноспособности СССР, сразу же приняли необходимые меры для организации отпора врагу. 22 июня в 12 часов дня Советское правительство сообщило по радио о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. В тот же день были изданы указы Президиума Верховного Совета СССР о введении военного положения и о мобилизации военнообязанных; приграничные округа были преобразованы во фронты. С 23 июня по 3 июля 1941 г. были разработаны и изданы важнейшие документы, содержавшие программу действий государственных, партийных, общественных организаций, Красной Армии и Военно-Морского Флота в условиях начавшейся войны. Эта програм-

ма была изложена затем в выступлении 3 июля по радио Генерального секретаря ЦК ВКП(б), Председателя Совнаркома СССР И. В. Сталина. В Центральном Комитете Коммунистической партии между членами и кандидатами в члены Политбюро ЦК ВКП(б) были распределены главные обязанности по руководству различными отраслями военной, хозяйственной, организационной и политико-воспитательной работы; созданы Государственный Комитет Обороны, Ставка Верховного Главнокомандования, сложились фронты, началась (там, где этого требовала боевая обстановка) эвакуация предприятий и людей на Восток, переброска боевых резервов на Запад. Заработала огромная советская военная машина, вся страна превратилась в боевой лагерь. Коммунистическая партия и Советское правительство разработали ясную программу обеспечения оперативного руководства вооруженной борьбой и перестройки на военный лад всей деятельности тыла. Эта программа направляла усилия партии и народа к единой цели — победе над врагом.

В свете этих, ставших достоянием истории, фактов как злостная клевета выглядит утверждение Солсбери, что якобы после начала войны «в течение многих дней огромное Советское государство было, по существу, без руководства, дрейфуя, словно потерявший управление дрейфует перед лицом смертельной опасности». Столь же лживо и бездоказательно рассуждает он о советском военном командовании, которое даже «не представляло» себе, как остановить немецкие танки, и о нашей пехоте, которая «не знала, как координировать действия с советскими танковыми частями»; «никто не ведал, как следует применять тактику ответных ударов по наступающим немцам»¹⁵, и т. п. Известно, что войны разворачиваются по присущим им объективным законам и закономерностям. Одной из них является влияние временных и постоянных факторов на ход и исход войны. Воспользовавшись фактором внезапности, немецко-фашистское командование временно захватило стратегическую инициативу и двинуло на СССР отоброшенную, обстрелянную, хорошо вооруженную, опирающуюся на экономику почти всей Западной Европы многомиллионную армию. Создав на основных направлениях значительное превосходство в силах и средствах, фашистские войска, несмотря на свои огромные потери, продвигались в глубь советской территории. Гитлеровская клика стремилась во что бы то ни стало выиграть войну в ходе «молниеносной» кампании. Длительная, затяжная война не входила в ее расчеты.

Таким образом, коренной вопрос, от которого зависел исход войны, заключался в том, удастся ли гитлеровцам и их союзникам добиться решающих успехов до того, как Советский Союз отоброшен и введет в действие все свои могучие ресурсы. А значение кровопролитных, тяжелых оборонительных сражений Красной Армии в первый период войны состояло как раз в том, чтобы свести на нет факторы, временно действовавшие на стороне противника, и открыть простор постоянно действующим факторам войны, лежавшим в основе нашей стратегии. Значит, нужно было сделать все для того, чтобы Красная Армия выстояла под напором превосходящих сил врага и тем самым обеспечила возможность пустить в ход мощные материальные и людские ресурсы страны и выиграть войну. Еще не полностью отоброшенная, не закончившая своего перевооружения новой боевой техникой, Красная Армия терпела в тот период неудачи, несла большие потери в людях и технике. С чувством боли и горечи оставляли советские воины родные города и села, с боями отходя в глубь страны. Но главным и решающим результатом этих ожесточенных сражений было то, что в них перемалывались лучшие дивизии Гитлера, подрывалась их боеспособность. Из фашистских войск вышибался наваянный легкими победами на

¹⁵ Harrison E. Salisbury. Op. cit., pp. 133, 167.

Западе наступательный дух. С каждым шагом их продвижения по советской земле «молниеносная» победа, на которую гитлеровская клика сделала главную ставку, превращалась в иллюзию.

Напомним в связи с этим лишь о некоторых общеизвестных фактах, тщательно замалчиваемых Солсбери. Герои Брестской крепости более месяца сражались против намного превосходящих сил врага, приковав к себе значительные его силы, которые были нужны гитлеровцам в других местах. На второй день войны в районе Луцк — Броды — Ровно началось сражение, в котором с обеих сторон участвовало около двух тысяч танков. Советские войска нанесли противнику весьма чувствительный урон, задержав дальнейшее наступление немцев на неделю. Был сорван замысел врага окружить и уничтожить главные силы войск Юго-Западного фронта в районе Львова¹⁶. Итак, советское командование отлично знало, «как можно остановить немецкие танки». Просто в тот период для этого у нас еще не имелось достаточных сил. Крупным событием активной обороны явилось Смоленское сражение, длившееся с 10 июля по 10 сентября 1941 года. Хотя противник в этом сражении превосходил советские войска в людях почти в два раза, в орудиях и минометах — в 2,4 раза, в самолетах — в 4 раза, он понес огромные потери и его план прорваться к Москве с ходу был сорван¹⁷.

Упорное сопротивление частей Красной Армии и наносимые ею чувствительные контрудары вызвали серьезную тревогу у немецко-фашистского командования. Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер вынужден был записать в своем дневнике, который Солсбери, конечно, известен: «24 июня 1941 г. Противник в приграничной полосе почти всюду оказал сопротивление. Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны ДОТов взрывали себя вместе с ДОТами, не желая сдаваться в плен. 29 июня. Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека. Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бой по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на Западе мы могли позволять себе известные вольности и отступления от уставных принципов, теперь это недопустимо... 11 июля. Противник сражается ожесточенно и фанатически»¹⁸. 13 июля Гальдер записал, что потери в танках на советско-германском фронте составили в среднем 50%. В записи от 11 августа Гальдер признает: «Общая обстановка показывает все очевиднее и яснее, что колосс Россия... был недооценен нами. Это утверждение распространяется на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и в особенности на чисто военные моменты. К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем уже 360 дивизий противника... И если даже мы разобьем дюжину из этих дивизий, то русские сформируют еще одну дюжину». Подводя итоги боям с начала войны, Гальдер отметил, что к 10 декабря 1941 г. потери немецкой армии, не считая больных, составили 775 078 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести (24,22% личного состава боевых частей на Восточном фронте). Кого-кого, а уж Гальдера никак нельзя заподозрить в преувеличении потерь своей армии. Добавим, что ее потери вне советско-германского фронта составили за то же время лишь 9 тыс. человек¹⁹.

Касаясь непосредственно жизни Ленинграда в начале войны, Сол-

¹⁶ «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история». М. 1965, стр. 64.

¹⁷ Там же, стр. 73.

¹⁸ «Военно-исторический журнал», 1959, № 7, стр. 88—89, 93.

¹⁹ Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М. 1969, стр. 327.

сбери старается покрасочнее и поразмашистее изобразить, как наши женщины стояли в очередях за продуктами и другими товарами. «Женщины наводнили гастрономы и бакалеи, без разбора закупаая все... Многие направлялись прямо в комиссионные магазины. Там они вручали толстые пачки бумажных денег за бриллиантовые кольца, золотые часы, изумрудные серьги, восточные ковры и медные самовары»²⁰. Ничего другого о ленинградцах в те часы он не нашел, что сказать. Элементарная добросовестность должна была обязать автора прочитать хотя бы городские газеты за те дни. Он нашел бы там сообщения о массовых митингах на фабриках и заводах, в учебных заведениях, учреждениях, колхозах и воинских частях, на которых рабочие, интеллигенция, служащие, колхозники, воины выражали свой гнев в связи с вероломным нападением фашистской Германии, непоколебимую веру в победу правого дела, готовность защищать свою отчизну до последней капли крови. От «очереди» у магазинов Солсбери переходит к историческим обобщениям. «За двадцать лет Советской власти,— пишет он,— ленинградцы на горьком опыте узнали, чего можно ожидать (от правительства) во времена «кризиса»... Никто из тех, кто жил в Ленинграде со времени первой мировой войны, не испытывал особого доверия к способности правительства обеспечить нормальное снабжение продовольствием»²¹. По Солсбери получается, что Советское правительство времен Великой Отечественной войны не отличалось в данном отношении от царского правительства времен первой мировой войны. Умозаключение настолько примитивное и дешевое, что его может воспринять всерьез разве только самый дремучий невежда. «Высокого» же мнения г-н Солсбери о читателях своей книги!

Искажает Солсбери и такое важное событие в истории битвы за Ленинград, как срыв советскими войсками гитлеровского плана захвата города с ходу. Известно, что в связи с угрозой вражеского прорыва в районе Остров — Псков Военный совет Северного фронта получил указание Генерального штаба создать для прикрытия Ленинграда с юго-запада и юга Лужский оборонительный рубеж от Финского залива до озера Ильмень протяженностью в 250 километров. Для его удержания 6 июля была образована Лужская оперативная группа войск (ЛОГ) в составе 70, 171, 177 и 191-й стрелковых дивизий, 1, 2 и 3-й дивизий народного ополчения, Ленинградского пехотного училища имени Кирова, отдельной горнострелковой бригады и отдельной артиллерийской группы в составе нескольких артполков и артдивизионов. Кроме того, на Лужский рубеж спешно перебрасывались 237 и 78-я стрелковые дивизии, а также две танковые дивизии с других участков фронта. На строительство оборонительных сооружений были мобилизованы десятки тысяч трудящихся. Военный совет Северного фронта в соответствии с указанием Ставки разработал конкретный план подготовки Лужского рубежа и занятия его войсками. Развернулись большие работы, сыгравшие свою роль в упрочении наших позиций южнее города. Никаких упоминаний ни о чем подобном мы у Солсбери не найдем. Вместо этого фигурирует бесконечное нагромождение фраз сходного типа: «вокруг любого мероприятия высшего командования (Северного фронта.— И. Ш.) создавалась атмосфера отчаяния»; это командование «было в состоянии временного помешательства»; оно «знало», что «быстро отступавшие, разбитые войска не смогут закрепиться на Лужской линии»; «для всех было очевидно, что у Ленинграда не имелось подготовленных войск для закрытия бреши»²². Мне как представителю Военного совета фронта в группе этих войск хорошо известны

²⁰ Harrison E. Salisbury. Op. cit., pp. 119—120.

²¹ Ibid.

²² Ibid., pp. 185, 181, 174.

планы обороны Лужского рубежа и руководящая деятельность командования фронта по управлению войсками. И я утверждаю, что все сказанное Солсбери о командовании этого фронта является ложью от начала до конца.

Попытавшись опорочить командование, Солсбери равным образом характеризует затем личный состав войск, занявших Лужский оборонительный рубеж: «наспех собранные соединения», «поспешно мобилизованные, плохо вооруженные рабочие батальоны»; у многих бойцов дивизий народного ополчения в качестве оружия «были кирки, лопаты, топоры и охотничьи ножи», а то и «голые руки». Зато перед гитлеровскими войсками Солсбери делает реверанс: это были «самые лучшие, самые быстроходные и прекрасные вооруженные танковые дивизии Гитлера». Предположим, что мы не знаем военной истории тех лет и поверим автору на слово. Но тогда возникает естественный вопрос: почему же эти хваленые гитлеровские дивизии сорок дней топтались на Лужском рубеже? Автор то ссылается на советских историков, которые «будут склоняться к тому, что Лужская линия спасла Ленинград от полной катастрофы», и сам признает, что «немцам удалось незначительно продвинуться», что «линия выстояла»; то, спохватившись, делает оговорки: «Она выстояла, несмотря на потери, в результате которых перестали существовать целые подразделения народного ополчения и некоторые, по мнению опытного офицера Дмитрия Константинова, были просто позором»²³. Плохи дела г-на Солсбери, если он вынужден звать как к свидетелю — к сбежавшему за рубеж изменнику и предателю Родины Константинову, который, конечно, готов высказать любое «мнение», какое ему только прикажут.

В сражениях на Лужском рубеже получили боевое крещение бойцы народного ополчения, которое начало создаваться уже на третий день войны. За короткий срок в Ленинграде было сформировано 10 дивизий ополченцев (7 из них стали впоследствии кадровыми дивизиями Красной Армии), 6 истребительных полков, партизанский полк, 16 артиллерийско-пулеметных батальонов, 7 партизанских отрядов и несколько маршевых батальонов. 160 тысяч ленинградцев по велению своего сердца добровольно вступили в ряды вооруженных защитников родного города²⁴. Естественно, военная подготовка многих бойцов народного ополчения сначала была невысокой. Пришлось учиться на практике, в схватках с наседавшим врагом. Но другого выхода тогда не было. Практика же оказалась такой, что от нее гитлеровцам не поздоровилось. Ополченцы 2-й дивизии возле деревни Ивановской нанесли сильный удар по врагу, заняли оборону, которую тот длительное время не мог прорвать, и выиграли золотое время.

Вслед за поклепом на ополченцев Солсбери столь же бесцеремонно оболгал курсантов военных училищ. С наигранным возмущением он пишет: «Использовать этих людей в качестве пушечного мяса для того, чтобы остановить нацистский таран голым штыком, было военным безумием... Большинство курсантов погибло в сражении»²⁵. А вот как было на самом деле. На 1906 курсантов, командиров и красноармейцев Ленинградского пехотного училища имелось винтовок и автоматов — 1716, пулеметов — 117, орудий и минометов — 20. Занятая ими позиция представляла собой 10-километровую противотанковую оборону. В хорошо оборудованных укрытиях находились 120 курсантов — истребителей танков с противотанковыми гранатами и бутылками с горючей смесью. Как видим, курсанты встречали немецкие танки отнюдь не «голым штыком». Что касается потерь, то в сорокадневных боях урон курсантов убитыми составил 173 человека. Противник же в одном лишь бою

²³ Ibid., pp. 183, 178, 190—191.

²⁴ «Пароль «Победа». Л. 1969, стр. 40.

²⁵ Harrison E. Salisbury. Op. cit., p. 191.

17 июля потерял не менее 600 человек. После выполнения боевой задачи 22 августа училище было эвакуировано из Ленинграда, и в этот же день состоялся выпуск 400 молодых офицеров²⁶. Мы уж не говорим о выражении «пушечное мясо», использованном Солсбери для характеристики не кого-нибудь, а патриотов, защищавших свою родину и все человечество от фашистской чумы.

Солсбери, претендующему на «энциклопедичность», полагалось бы знать, что выражение «пушечное мясо» часто употреблялось и употребляется сторонниками социалистической идеологии для политического обличения империалистов, затевающих истребительные войны ради получения прибылей. Такую войну вел германский фашизм против СССР, бросив в ее пламя миллионы обманутых немецких рабочих и крестьян. Такую войну сейчас ведут США в Индокитае, используя своих солдат и солдат сайгонского режима в качестве «пушечного мяса». В отличие от разбойничих, захватнических войн, в которых империалисты не жалеют «пушечного мяса», война Советского Союза против фашистской Германии была войной священной, освободительной, справедливой. В критические моменты ради защиты социалистического Отечества и своих очагов советские люди не щадили себя, во имя победы они готовы были на самопожертвование. Вот почему рядом с рабочими и крестьянами, одетыми в солдатские шинели, сражались десятки тысяч бойцов из руководящих партийных, советских и комсомольских работников. И лишь одно преимущество было у них перед другими бойцами: их посылали на самые опасные участки фронта, они первыми поднимались в атаку, первыми отдавали жизнь за святое дело Ленина.

Лужская полоса обороны выстояла потому, что Военный совет Северного фронта предпринял энергичные меры для повышения стойкости и технической оснащенности оборонявшихся на ней войск. В войска Лужской оперативной группы были направлены кадровые командиры, части и соединения доукомплектованы рядовым составом и младшими командирами, $\frac{9}{10}$ средств противотанковой обороны, выпускавшихся в то время в Ленинграде, направлялись под Лугу. В войска ЛОГ непрерывно поступали орудия, пулеметы, боеприпасы. Десятки ответственных работников штаба и Политуправления фронта, многие сотни коммунистов и комсомольцев, направленных Военным советом в части и соединения ЛОГ, помогли наладить управление, повысить боевую стойкость войск²⁷.

Важную роль в обороне Лужского рубежа сыграла Особая артиллерийская группа. Только в боях на р. Плюсса ее подразделения уничтожили 47 вражеских танков²⁸. В боях на Лужском рубеже наземные войска активно поддерживала наша авиация. Например, лишь за 11 и 12 июля советские летчики уничтожили 60 вражеских танков и около 100 машин с пехотой, хотя соотношение сил в воздухе было в то время в пользу противника²⁹.

Успеху войск, оборонявших Лужский рубеж, во многом способствовали упорные оборонительные сражения на других фронтах, о которых говорилось выше. В этих сражениях завязли и понесли большие потери отборные фашистские дивизии. Враг так и не смог бросить под Ленинград части 3-й танковой группы. Значительно ослабил группировку врага, рвавшуюся в Ленинград, мощный контрудар войск Северо-Западного фронта в районе Шимск — Сольцы, в результате которого была разгромлена 8-я немецкая танковая дивизия. В боях на Лужском рубеже Гитлер потерял 75 тыс. человек убитыми и ранеными. «Боевой

²⁶ «Ленинградское дважды Краснознаменное. Очерк истории». Петродворец. 1968 стр. 117, 133, 139.

²⁷ «Ордена Ленина Ленинградский военный округ». Л. 1968, стр. 207.

²⁸ «Ордена Ленина Ленинградский военный округ», стр. 205.

²⁹ «Военно-исторический журнал», 1969, № 1, стр. 70.

состав наших соединений, действующих на фронте,— говорил гитлеровский генерал Браухич,— резко снизился. 8-ю танковую дивизию придется отвести с фронта». Из-за больших потерь немецко-фашистское командование вынуждено было приостановить наступление танковых войск до подхода пехотных соединений. Оборона Лужского рубежа сорвала намерения гитлеровцев захватить Ленинград с ходу. Время, в течение которого войска ЛОГ сковывали здесь вражеские армии, было использовано для создания новых оборонительных рубежей, для мобилизации дополнительных материально-технических и людских резервов, для переброски на южные подступы к городу воинских частей с других участков фронта. В книге Солсбери нет ничего хоть сколько-нибудь похожего!

В неверном свете показаны и причины провала вражеского плана захватить Ленинград штурмом в сентябре 1941 года. Правды о том, что активной обороной на ближних подступах к городу советские войны обескровили немецкие войска, наступательные возможности которых к концу месяца полностью иссякли, в книге нет. Вместо этого выдвигается теория «упущенных возможностей»: для взятия Ленинграда были все возможности, но фашистское командование не использовало их. Эта версия не блещет оригинальностью. Ею пропизваны почти все мемуары битых немецких генералов, в частности книга генерал-фельдмаршала Манштейна «Утерянные победы». Солсбери не просто преуменьшает степень боеспособности войск Ленинградского фронта. Он пишет, что советские дивизии, оборонявшие Ленинград, были «призрачными»: «они были до такой степени обескровлены, что не могли больше воевать. Практически у них не было артиллерии, не было снарядов для орудий и патронов для винтовок». При этом он ссылается на высказывание некоего (конечно, безымянного) «советского офицера», который якобы был убежден, что немцам «дорога в Ленинград была практически открыта. Стоило бы нацистам предпринять небольшой нажим, и они отбросили бы слабеющие части и достигли своей цели». Да и «немцам казалось, что Ленинград был почти в их руках. Всего лишь день или два, и он падет»³⁰. Описывая боевые действия к юго-западу от Ленинграда, где наряду с регулярными частями Красной Армии мужественно сражались с врагом дивизии народного ополчения, Солсбери делает затем вывод: «Если бы немцы прорвались здесь, у них была бы гладкая шоссе́нная дорога длиною в 60 миль до самого Зимнего дворца. Не было ни одной организованной части, ни одной оборонительной позиции, занятой войсками, чтобы остановить их на всем пути до Ленинграда». Характеризуя обстановку на другом участке фронта— северном, он рисует сходную картину: «Финны и немцы могли в любой момент совершить прорыв к северу от города»³¹.

Нет, не «гладкая шоссе́нная дорога длиною в 60 миль» отделяла фашистскую армию от Зимнего дворца, а грозные линии обороны, которые гитлеровцам так и не удалось преодолеть. На этом участке подступы к Ленинграду прикрывали Красногвардейский (КУР) и Слуцко-Колпинский (СУР) укрепленные районы, войска Копорской оперативной группы (281-я стрелковая дивизия, 2-я дивизия и 1-я гвардейская дивизия ополченцев, Военно-политическое училище НКВД), 42-й армии (2-я и 3-я гвардейские дивизии ополченцев, 291-я стрелковая дивизия, пулеметно-артиллерийские батальоны КУР), 55-й армии (168, 70, 90 и 237-я стрелковые дивизии, 4-я дивизия народного ополчения, пулеметно-артиллерийские батальоны СУР). Северо-восточнее СУР действовали 1-я дивизия НКВД, 286 и 115-я стрелковые дивизии. Солсбери утверждает, что у советских войск, защищавших южные подступы к го-

³⁰ Harrison E. Salisbury. Op. cit., pp. 345, 332, 347.

³¹ Ibid., pp. 185, 199.

роду, «практически... не было артиллерии». Была, да еще какая мощная! С артиллеристами войск фронта четко взаимодействовала корабельная и береговая артиллерия Балтийского флота. Она стала надежным огненным щитом Ленинграда. Линкоры, крейсера, эскадренные миноносцы и канонерские лодки, 14 батарей морской артиллерии калибром от 100 до 305 мм вели ураганный огонь по врагу. На участке Лигово — Пулково на прямую наводку было выставлено 529 орудий, а в районе Колпино — 300 орудий³².

Автор отмечает и такую «упущенную возможность», как форсирование Невы у Шлиссельбурга, где немцы должны были соединиться с финнами: «Лишь река и 30 или 40 миль открытой, труднообороняемой местности отделяли их от финских войск, от первостепенной цели Гитлера, от цели его приказа [командующему группой армий «Север» генералу] фон Леебу и другим командирам, осуществлявшим операцию «Барбаросса»: соединиться с финнами, окружить и уничтожить Ленинград, а затем совершить массированное продвижение на юг в целях охвата Москвы»³³. А на деле обстановка была иной. Войска группы армий «Север» в боях под Лугой были настолько потрепаны, что их пришлось усилить новыми дивизиями, переброшенными из группы армий «Центр» и резерва. В результате 18 и 16-я полевые армии, 4-я танковая группа гитлеровцев приобрели большое превосходство в людях и боевой технике. Например, на Кингисеппском направлении противник имел в несколько раз больше танков, в полтора раза — артиллерии и господствовал в воздухе. Лишь после этого немецким войскам удалось прорвать оборонительный рубеж, 25 августа захватить Лугу, 30 августа — Мгу, 8 сентября — Шлиссельбург, выйти к южному берегу Ладожского озера и замкнуть кольцо блокады вокруг Ленинграда с суши. Выйдя на ближние подступы к городу, враг начал его штурм.

Главный удар наносила 4-я танковая группа в составе двух танковых, одной моторизованной, пяти пехотных дивизий и полицейской дивизии СС, имевших задачу прорваться в Ленинград через Пушкин и Пулково. 18-я немецкая армия частью сил наступала на Ленинград вдоль дороги Красное Село — Лигово, а частью сил — против 8-й армии Ленинградского фронта на Копорском плато. Штурмовавшую Ленинград ударную группу прикрывала с востока 16-я немецкая армия, действовавшая на синявинско-шлиссельбургском выступе. Повсюду развернулись ожесточенные, кровопролитные бои. На главном направлении уничтожали живую силу и технику врага соединения нашей 42-й армии, 2 и 3-я дивизии народного ополчения, 1-я бригада морской пехоты и пулеметно-артиллерийские батальоны Красногвардейского укрепленного района.

Фашисты, выйдя к южному берегу Ладожского озера и к Неве от Усть-Тосно до Шлиссельбурга, отнюдь не «упустили» здесь возможность соединения с финнами, ибо такой возможности им просто не предоставили. Они не раз пытались форсировать Неву. Однако переброшенные на этот участок части 1-й дивизии НКВД, 115-й стрелковой дивизии, 4-й бригады морской пехоты и полк ополченцев отбили эти попытки с большими потерями для противника. Солсбери упорно повторяет: «Немцы упустили возможность форсировать Неву, соединиться с финнами и полностью изолировать Ленинград от внешнего мира. Если бы они предприняли такую попытку в течение первых десяти или двенадцати дней сентября, то она вряд ли бы не удалась. На северном берегу Невы имелись остатки советских дивизий, которые были настолько обессилены, что смогли бы оказать лишь символическое сопротивление»³⁴.

³² «Ордена Ленина Ленинградский военный округ», стр. 236—245.

³³ Harrison E. Salisbury. Op. cit., p. 311.

³⁴ Ibid., pp. 314—315.

Конечно, сидя в Нью-Йорке через 28 лет после самих событий, можно написать, что угодно. Но не послушать ли нам одного из тех вояк, которые находились тогда под Ленинградом и пытались реализовать упомянутую «возможность»? Вот запись из дневника обер-лейтенанта Генриха Эльмана: «8 сентября 1941 г. Мы думали маршировать по улицам Ленинграда к 1 августа. Черта с два. Русские все больше удивляют нас своим упорством. Бьются до последнего патрона. Невиданное, неслыханное, дьявольское упорство. Похоронные команды делают кладбище за кладбищем для наших солдат и офицеров. 12 сентября. Четыре дня ожесточенных сражений с русскими за переправу через Неву не дали желанных результатов. Мы попали в какую-то мясорубку! Сотни наших товарищей не нуждаются в похоронах, они покоятся на дне русской реки»³⁵. Так выглядит на деле одна из тех «упущенных возможностей», о которых скорбит Манштейн и которые разрисовывает Солсбери. Финские войска тоже не смогли преодолеть 60-километровую полосу, отделявшую их от немцев. Части нашей 23-й армии своими активными действиями остановили финнов.

Не считаясь с огромными потерями, гитлеровские генералы все еще пытались гнать своих солдат вперед. Линия фронта приближалась к стенам города. Над Ленинградом нависла непосредственная угроза вторжения. Однако и в этот критический момент никто из защитников города не помышлял ни о чем ином, как стоять насмерть и победить. Осажденный город с невиданным мужеством и храбростью дрался с наседавшим врагом. Войска Ленинградского фронта имели достаточно сил и средств, чтобы защитить великий город Ленина. На 10 сентября 1941 г. они располагали свыше 440 тыс. чел. личного состава, 2 672 орудиями, 1 328 минометами, 319 танками и 340 самолетами. Кроме того, Ставка Верховного Главнокомандования в июле — августе направила под Ленинград из резерва 118, 265, 268 и 291-ю стрелковые дивизии³⁶.

Немалое значение для повышения стойкости и упорства советских войск имел приказ Военного совета Ленинградского фронта, направленный 17 сентября войскам 42 и 55-й армий. В нем требовалось удерживать рубеж Лигово, Кискино, Верхнее Койрово, Пулковские высоты, районы Московской Славянки, Шушар и Колпино. «Ни шагу назад! Не сдавать ни одного вершка земли на ближних подступах к Ленинграду!»³⁷. И это требование было выполнено. Немецкий план штурма города проваливался. 18 сентября генерал Гальдер записал в своем дневнике: «Кольцо окружения вокруг Ленинграда пока не замкнуто так плотно, как этого хотелось бы... У противника сосредоточены людские и материальные силы и средства, положение здесь будет напряженным, пока в качестве нашего союзника не даст себя почувствовать голод». Овладев 18 сентября городом Пушкин, немецкие войска попытались обойти Пулково и Колпино. Однако части 42-й и 55-й армий отразили все их атаки³⁸. 19 сентября враг совершил артиллерийский налет на Ленинград, продолжавшийся более семи часов. Одновременно в воздушное пространство города прорвались 276 самолетов, сбросивших на него 1 653 бомбы. Фашисты стремились также расправиться с кораблями и фортами Балтийского флота, которые вели уничтожающий огонь по их войскам. 21—23 сентября 400 самолетов врага совершили массированный налет на Кронштадт. Однако им удалось вывести из строя лишь носовую башню линкора «Марат». При этом зенитчики-балтийцы сбили 35 самолетов. В то же время фашистские войска начали наступление на

³⁵ См. И. И. К а н а ш и н. Пока стучит сердце. Л. 1963, стр. 158—159.

³⁶ Архив МО СССР, ф. 14-А, оп. 112, д. 174-1, лл. 69—70; «Ордена Ленина Ленинградский военный округ», стр. 214.

³⁷ «Ордена Ленина Ленинградский военный округ», стр. 243.

³⁸ Там же, стр. 245—246.

8-ю армию, оборонявшую Ораниенбаумский плацдарм, но благодаря стойкому ее сопротивлению наступление захлебнулось. 23 сентября фашистская пехота с танками при поддержке авиации дважды атаковала советские войска на участке Кискино — Галерово. Огнем артиллерии 42-й армии, кораблей флота и контратаками враг был отброшен. То были последние атаки противника на участке фронта от Финского залива до Пулкова.

Одновременно советские войска на Неве нанесли внезапный удар. Форсировав реку и овладев Московской Дубровкой, они перерезали шоссейную дорогу Шлиссельбург — Ленинград, подошли к 8-й ГЭС и завязали бои за Арбузово. Навстречу Невской оперативной группе наступала 54-я армия со стороны Волхова. Для фашистов, находившихся южнее Ладожского озера, создалась угроза быть отрезанными. Этот удар советских войск вызвал панический страх в немецкой ставке. Вот запись из дневника Гальдера от 25 сентября: «День 24.IX был в высшей степени критическим днем в верховном главкомандовании вооруженных сил. Причиной этого был тот факт, что наступление 16-й армии в районе Ладожского озера натолкнулось на сильное контр наступление противника, в ходе которого 8-я танковая дивизия была отброшена и сужен занимаемый нами участок на восточном берегу р. Невы». В связи с этим Гитлер приказал немедленно доставить на самолетах группе армий «Север» 20 тыс. мин, задержать отправку на московское направление 36-й моторизованной дивизии, направить в помощь группе «Север» два полка парашютистов, срочно перебросить по воздуху из состава группы армий «Центр» запасные батальоны охранных соединений, а из Витебска по железной дороге — испанскую «Голубую дивизию».

Но и последняя попытка противника предпринять 24—26 сентября наступление из Пушкина на Большое Кузьмино успеха не имела. Советские войска, в жестоких боях измотав и обескровив врага, остановили его. Потеряв более половины личного состава и боевой техники, группа армий «Север» в конце сентября перешла к обороне. Уже 25.IX генерал-фельдмаршал фон Лееб доложил главному командованию сухопутных войск, что «с оставшимися в его распоряжении силами он не в состоянии продолжать наступление на Ленинград»³⁹. Этот успех Красной Армии имел не только частное, а и общее значение. Был нанесен еще один крепкий удар по фашистскому плану «молниеносной войны». Немцы под Ленинградом вынуждены были перейти к длительной обороне. 750 км от государственной границы СССР, которую немецко-фашистские войска пересекли утром 22 июня, до предместий Ленинграда они прошли за два месяца. Но преодолеть последние 6 километров, отделявшие их от цели, так и не смогли. Что же им помешало? Солсбери пишет, что это «загадка», которую, мол, до сих пор еще не решила историческая наука, а сам объясняет ее тем, что Гитлер, решив форсировать наступление на Москву, перебросил на московское направление из-под Ленинграда танковые и моторизованные дивизии.

Однако, во-первых, дивизии, намеченные к переброске на московское направление, были задержаны: 1 и 6-я танковые — до 24 сентября, а 36-я — до конца месяца, когда уже провалился план штурма города. Эти дивизии были обескровлены до такой степени, что потеряли способность к дальнейшему наступлению. Последовавшая их переброска не представляла существенного значения для соотношения сил на Ленинградском фронте. Во-вторых, переведя на московское направление несколько ослабленных дивизий, Гитлер одновременно без конца посылал под Ленинград новые подкрепления. До декабря 1941 г. в группу армий «Север» было перебросено 16 дивизий (в том числе три танковые и две моторизованные) и 2 бригады, причем 11 из них — из Западной

³⁹ Г. Гудериан. Воспоминания солдата. М. 1954, стр. 215.

Европы, а 7 — из группы армий «Центр»⁴⁰. Ответ на «загадку» лежит не там, где ищет Солсбери, а в мужественном сопротивлении защитников Ленинграда. Воины Северо-Западного, Северного и Ленинградского фронтов, моряки Краснознаменного Балтийского флота в боях на дальних и ближних подступах к Ленинграду проявили исключительную стойкость, выносливость и выдержку. В одном строю с воинами сражались ленинградские трудящиеся. Продолжая и развивая славные революционные и боевые традиции питерского пролетариата, они грудью встали на защиту родного города. Городская и областная партийные организации направили в Действующую армию свои лучшие силы. Только в регулярные войска влились тысячи коммунистов, комсомольцев и беспартийных активистов, большинство — рядовыми бойцами. Пользуясь всенародной поддержкой, героические защитники города преградили путь фашистским полчищам. Этот факт вынужден был признать даже гитлеровский генерал Типпельскирх. Вот его слова: «Бои вокруг Ленинграда продолжались с исключительной ожесточенностью, немецкие войска дошли до южных предместий города, однако, ввиду упорнейшего сопротивления обороняющихся войск, усиленных фанатичными ленинградскими рабочими, ожидаемого успеха не было»⁴¹. А вот слова немецкого генерала фон Бутлара: «Войскам 18-й армии... не удалось сломить сопротивление защитников города, с фанатическим упорством оборонявших каждый метр земли»⁴². Кажется, ясно. Однако Солсбери не устраивают «показания» даже гитлеровских генералов. Он клеветает на руководителей Коммунистической партии и Советского правительства, будто они не только не помогли Ленинграду, а готовы были «пожертвовать Ленинградом, чтобы спасти Москву»⁴³. В связи с этим он выдумал басню о «конфликтах» между советскими руководящими деятелями. Никаких документов и фактов он, естественно, не приводит, ибо их нет и не было. Все его «доказательства» сводятся к пустословию: «Можно не сомневаться, что спор о судьбе Ленинграда существовал»⁴⁴.

Сражение под Ленинградом развивалось отнюдь не стихийно. Советские войска, твердо и умело управляемые Ставкой Верховного Главнокомандования и Военным советом фронта, вели активную оборону по всем правилам военного искусства, готовые с непреклонной решимостью защищать Ленинград до конца, до полной победы. У защитников города не было и тени сомнения в том, что город Ленина, куда за всю историю его существования ни разу не ступала нога чужеземца-завоевателя, выстоит и победит. Уверенность ленинградцев была обусловлена всем существом социалистического общественного и советского государственного строя. Защитники Ленинграда хорошо помнили и глубоко осознавали железную логику и историческую неодолимость того, о чем говорил великий учитель и вождь трудящихся всего мира, чье имя с честью нес и несет славный город: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»⁴⁵.

Солсбери пытается перечеркнуть всенародную помощь Ленинграду, целенаправленную деятельность Верховного Главнокомандования и командования Ленинградского фронта по организации отпора врагу, стойкость, героизм и боевое мастерство защитников города. Выдвигая на пер-

⁴⁰ «Битва за Ленинград». М. 1964, стр. 121.

⁴¹ К. Типпельскирх. История второй мировой войны, М. 1956, стр. 197.

⁴² «Мировая война 1939—1945 гг.». М. 1957, стр. 177.

⁴³ Harrison E. Salisbury. Op. cit., pp. 269—270.

⁴⁴ Ibid., p. 265.

⁴⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 315.

вый план слепую игру случая и просчеты Гитлера, он патетически восклицает: «Жуков выиграл. Выиграл Ленинград. Но этого еще никто не знал»⁴⁶. Человек, претендующий на «объективность» (а Солсбери на нее претендует!), обязан был сказать читателю, что провал фашистского плана захвата Ленинграда был ясен не только советскому командованию, но даже... Гитлеру. Фашистское наступление захлебнулось, и немецкие войска перешли к длительной обороне. 16. I. 42 г. Гитлер сместил командующего группой армий «Север» фон Лееба и его начальника штаба генерала Бреннеке. «Выживший из ума Лееб,— говорил Гитлер,— не способен понять и осуществить мой замысел быстрого захвата Ленинграда. Видимо, он явно устарел, трусит и, как истинный католик, хочет богу молиться, а не воевать»⁴⁷. Новым командующим был назначен фон Кюхлер, начальником штаба — Хассе. Но, как известно, и им повезло не более, чем их незадачливым предшественникам.

Провалившись с планом захвата Ленинграда штурмом, немецко-фашистское командование разработало новый план: задушить защитников города голодом. Об этом заявил Гитлер с циничной откровенностью: «Ленинград сам поднимет руки. Он падет, рано или поздно. Никто не освободит его. Никто не сумеет прорваться через созданные линии обороны. Ленинграду придется умереть голодной смертью»⁴⁸. Начался новый период битвы за Ленинград — период 900-дневной блокады. Коммунистическая партия, Советское правительство, советский народ делали всё, чтобы облегчить положение Ленинграда. Были приняты энергичные меры для снабжения города по единственному тогда пути — через Ладожское озеро. За осеннюю навигацию 1941 г. через Ладогу было перевезено в город 44 тыс. тонн зерна, муки и крупы, более 200 тыс. банок мясных и рыбных консервов, 1 млн. банок сгущенного молока, сотни тонн мяса, рыбы, масла и других продуктов. По воздушному мосту было доставлено несколько тысяч тонн самого калорийного продовольствия. Однако положение становилось все более острым. Военный совет фронта со 2 сентября по 20 ноября 1941 г. вынужден был пять раз сокращать нормы выдачи хлеба населению и трижды сокращать продовольственный паек в частях фронта. Вскоре кончилось топливо, перестали работать электростанции. В домах погас свет, прекратилась подача воды, остановились все виды общественного транспорта. К голоду прибавился холод. Фашистские изверги круглосуточно держали город под артобстрелами и бомбежками с воздуха. Гибло мирное население, разрушались произведения мировой культуры и искусства. За время блокады фашисты обрушили на Ленинград свыше 150 тыс. тяжелых артиллерийских снарядов, 107 158 фугасных и зажигательных бомб. Было убито 16 747 чел. и ранено 33 782, разрушено 840 зданий промышленного назначения, а 3 090 зданий повреждено⁴⁹. Люди умирали от голода и холода, гибли от вражеских снарядов и бомб. Но ни на минуту не угасали непоколебимый дух защитников города, их уверенность в победе, их боевая напряженная деятельность.

Мне пришлось быть в то трудное время в Ленинграде и видеть, как ленинградцы, проявляя железную дисциплину и стойкость, мужественно переносили выпавшие на их долю неимоверные страдания и лишения, героически боролись до последнего дыхания, до конца выполняя свой долг перед Родиной. А вот Солсбери изображает тогдашний Ленинград просто мертвым городом: «Большой организм города был по-

⁴⁶ Harrison E. Salisbury. Op. cit., p. 348.

⁴⁷ См. Ю. Пантелеев. Морской фронт. М. 1965, стр. 218.

⁴⁸ См. В. Ганжевич. Конец группы «Норд». Л. 1965, стр. 72.

⁴⁹ «Акт Ленинградской городской комиссии о преднамеренном истреблении немецко-фашистскими варварами мирных жителей Ленинграда и ущербе, нанесенном хозяйству и культурно-историческим памятникам города в период блокады». Л. 1945, стр. 8.

чти безжизненным»⁵⁰. Это клевета и кощунство. Ленинградская партийная организация проделала колоссальную работу по борьбе с голодом. Были учтены все имевшиеся запасы продовольствия; установлен строжайший контроль за правильным распределением продуктов; организованы стационарные пункты дополнительного питания для больных и изысканы дополнительные источники питания. Тем временем на предприятиях Ленинграда день и ночь кипела работа. Рабочие, инженеры и техники отдавали все силы для того, чтобы фронт получил побольше вооружения и боеприпасов. Порою своим дыханием они согревали кочевшие руки; вручную вращали станки; некоторые сидели у станков, так как стоять не было сил. И все же работа не останавливалась. В сердцах людей пламенела ненависть к фашистам, и это священное чувство оказалось сильнее мук голода и холода. Только за ноябрь—декабрь 1941 г., то есть в самые тяжелые месяцы блокады, на заводах города было произведено 1 050 орудий, 550 минометов, 9 500 автоматов, 900 пулеметов, 872 тысячи снарядов, 850 тысяч мин, 850 тысяч гранат, 5,7 тыс. авиабомб⁵¹. А всего за первые шесть месяцев войны промышленность Ленинграда изготовила и сдала Красной Армии и Военно-Морскому Флоту 713 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов и бронеплощадок, 2 405 полковых и 648 противотанковых пушек, 2 585 огнеметов, 10 600 автоматов, 9 977 минометов, 3 075 500 артиллерийских снарядов и мин, 39 740 авиабомб, 2 982 000 гранат. Было достроено 84 корабля разных классов, отремонтировано и переоборудовано 186; изготовлено 50 тыс. км военно-полевого провода, 142 тыс. телеграфных и телефонных аппаратов, 4 200 радиостанций и радиоустановок, около 3 млн. пар армейской обуви⁵². Фронт постоянно получал от ленинградцев пополнение людьми, первоклассной боевой техникой и оружием, причем в те моменты, когда испытывал в том острейшую потребность. Широким потоком шла военная подготовка населения. Создавались рабочие отряды, готовились резервы для войск. Бойцы местной ПВО, пожарные, санитарные и аварийно-спасательные команды тушили возникавшие от артобстрелов и бомбежек пожары, обезвреживали неразорвавшиеся снаряды и бомбы, разбирали завалы в разрушенных домах, спасая людей. Вместе с подразделениями ПВО в борьбе с налетами вражеской авиации принимали участие гражданские формирования — группы самозащиты, команды фабрик и заводов. Около 182 тыс. ленинградцев действовали в формированиях местной ПВО⁵³. И все это г-н Солсбери осмеливается изображать «безжизненным организмом»!

Может быть, Солсбери имеет в виду не самый город, а действовавшие вокруг него соединения? Тоже невероятно, ибо тогда немцы ворвались бы в Ленинград. Более того, войска Ленинградского фронта не оборонялись пассивно, а все время активизировали боевые действия. В самые тяжелые месяцы блокады по почину бойца-комсомольца Федосия Смолячкова зародилось снайперское движение по истреблению захватчиков. К концу февраля 1942 г. в войсках фронта насчитывалось 6 тыс. истребителей, на счету которых уже числились десятки тыс. уничтоженных ими гитлеровцев⁵⁴. Командный состав, политорганы и партийные организации проводили целеустремленную партийно-политическую работу по воспитанию ненависти к врагу, повышению боеспособности войск. Снайперское движение приняло массовый характер. Им были охвачены все части, находившиеся даже во вторых и третьих эшелонах. В таких случаях снайперы выходили на передний край обороны, где уничтожали неприятельских солдат и офицеров. Отлично поража-

⁵⁰ Harrison E. Salisbury. Op. cit., p. 422.

⁵¹ Архив МО СССР, ф. 217, оп. 1258, д. 7, лл. 28, 173—174.

⁵² «На защите Невской твердыни». Л. 1965, стр. 302.

⁵³ «Пароль «Победа», стр. 232.

⁵⁴ Архив МО СССР, ф. 217, оп. 1217, д. 174, стр. 326—328.

ли врага советские артиллеристы. С января по май 1942 г. они разрушили 620 дзотов, 365 блиндажей, 565 наблюдательных пунктов и уничтожили сотни орудий противника⁵⁵. Вот незаконченное письмо, найденное в сумке старшего ефрейтора 1-й немецкой пехотной дивизии, убитого в декабре 1941 г. на левом берегу Невы: «Я буду честным, Фриц, отброшу все фразы. Я сыт этим по горло: нахожусь почти 10 недель под Ленинградом, каждые 10 дней — на передовой и 4 дня — на отдыхе. Что означает сидеть эти 10 дней в холодных землянках при свинском, в 32° морозе и в метель, причем землянку нельзя протопить, так как противник, если увидит дым, разрушает землянки, — ты этого и представить себе не можешь... Русские нас непрерывно атакуют с земли, с воздуха. Фриц, поверь, у меня есть выдержка и я хладнокровен, но это — выше моего терпения. Мы у Невы сменили парашютистов, участвовавших в боях на Крите. Они говорят, что лучше три раза прыгнуть на Крит, чем один раз участвовать тут в бою. Из нашего взвода из всех, побывавших во Франции, осталось только три человека, а остальные убиты или ранены. Знаешь, Фриц, мы здесь часто спрашиваем самих себя, когда же придет наша очередь?»⁵⁶ И очередь их пришла: с октября 1941 до конца 1942 г. немецкие войска потеряли под Ленинградом убитыми и ранеными 123 461 человека. Общие же потери противника под городом с начала войны до прорыва блокады в январе 1943 г. составили 313 561 человек.

Проводя политику массового террора, фашисты творили невиданные в истории зверства. Солсбери констатирует наличие огромных жертв в результате злодейств, чинившихся оккупантами, с олимпийским спокойствием. Зато он с возмущением пишет, что осенью 1941 г. «Жданов обратился с варварским призывом: «Безжалостно истребляйте фашистских зверей!»⁵⁷. Нет, г-н Солсбери! Это не «варварский» призыв. Это была действенная, остро необходимая мера, вызванная злодеяниями гитлеровских захватчиков. Фашисты вероломно вторглись на нашу землю, жгли города и села, истязали, расстреливали и вешали советских людей. В одном из обращений немецкого командования к солдатам говорилось: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание — убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик — убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее твоей семьи и прославишься навеки»⁵⁸. «Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, — вещал Гитлер, — мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы — русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов. Нет никаких причин не сделать этого!»⁵⁹.

Фашисты хотели истребительной войны; и они ее получили. «Призыв «Смерть немецким оккупантам!» был дан Коммунистической партией Советского Союза в ответ на истребительную войну против советского народа, которую начала немецко-фашистская армия по приказу Гитлера. С этим лозунгом печатались все фронтовые газеты, листовки, центральная военная газета «Красная звезда». Советский народ, защищая свою свободу и независимость, ответил на истребительную войну гитлеровцев истреблением их самих. Но лозунг «Смерть немецким оккупантам!» был направлен только против тех гитлеровских офицеров и солдат, кто продолжал сопротивляться и не сдавался в плен. Что касается мирного населения Германии, то Красная Армия строго выполняла указание

⁵⁵ Л. Говоров. В боях за Ленинград. М. 1945, стр. 26.

⁵⁶ Архив МО СССР, ф. 217, оп. 1221, д. 172, стр. 93.

⁵⁷ Harrison E. Salisbury. Op. cit., p. 304.

⁵⁸ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М. 1950, стр. 29—30.

⁵⁹ См. там же, стр. 29.

Коммунистической партии и Советского правительства о недопустимости смешивать немецкий народ с гитлеровской кликой.

Солсбери умолчал о зверствах немецко-фашистских захватчиков на советской земле, как и в оккупированных ими европейских странах, о миллионах сожженных в печах Освенцима, Майданека, Бухенвальда, о приказе гитлеровского командования расстреливать пленных политработников Красной Армии. Умолчал он и о том, что немецкие врачифашисты использовали советских военнопленных для своих дьявольских опытов, что из их кожи изготавливались дамские сумочки. Не сказал Солсбери и о том, что злодеяния гитлеровских палачей были осуждены Международным трибуналом в Нюрнберге, а главные виновники этих злодеяний повешены... Перед нами пожелтевшие страницы газеты «Красная звезда» за 26 февраля 1942 года. В ней приводится выступление политрука Тюрина на слете снайперов Ленинградского фронта: «Почему я стал снайпером? Я сообщаю. Был на разведке, шли лесом. Услышали короткие очереди. Подкрался и увидел: немцы привязали к деревьям русских детей и бьют по ним, как по мишеням. Дети уже мертвые, а матери тут же кричат, рвутся. Мы переглянулись и решили дать бой извергам-немцам. Нас было очень мало. Главного главаря убили тут же. Пускали очередь за очередью. Я сразу уничтожил 12 фашистов». Газета «Красная звезда» известна Солсбери, доступна ему. И он мог осветить подобные факты злодеяний фашистов, а их сотни тысяч! Но они разрушают его концепцию, поэтому он молчит. Призыв уничтожать фашистских зверей — не «варварский»; это призыв уничтожать варваров; а «гуманизм» Солсбери — это защита и реабилитация фашистского варварства. И защита эта отнюдь не направлена только в прошлое: Гитлер и его главные приспешники давно уже сгнили. Но жива фашистская идеология расизма и человеконенавистничества. Она живет в неофашизме ФРГ, в злодеяниях американских солдат в Индокитае, израильской военщины на арабских землях, в преступлениях южноафриканских белых расистов.

Одним из наиболее злодейских актов гитлеровцев была попытка задуть ленинградцев голодной смертью. Чтобы сорвать этот план, было организовано регулярное снабжение населения города, войск фронта и флота через Ладожское озеро. Велась трудная и сложная борьба за единственную коммуникацию, связывавшую Ленинград с «Большой землей». Немецко-фашистские войска предприняли 16 октября 1941 г. крупное наступление на волховском и тихвинском направлениях, намереваясь соединиться на реке Свирь с финнами, полностью окружить Ленинград и лишить его Ладожской коммуникации. Враг 8 ноября захватил Тихвин и вплотную подошел к Волхову. Создавалось крайне тяжелое положение. Тогда советские войска перешли в контрнаступление и разгромили 39-й моторизованный и 1-й армейский корпуса противника. 9 декабря 1941 г. был освобожден Тихвин. Гитлеровцев отбросили на реку Волхов. Освобождение Тихвина и участка Северной железной дороги от Тихвина до Войбокало стоило выигрыша нескольких крупных сражений. Грузы, столь необходимые ленинградцам, вновь нескончаемым потоком двинулись в осажденный город. По Ладожскому озеру была проложена ледовая дорога. Она стала решающим звеном в сырье плана удущения защитников Ленинграда голодом.

Немало есть худых слов, которые Солсбери употребил при характеристике этого пути, прозванного ленинградцами «Дорогой жизни». Всячески раздувая и смакуя недостатки и трудности в ее работе в первый месяц существования, он уверяет читателя: «Похоже на то, что «Дорога жизни» может стать дорогой смерти»; «Ледяная дорога не работала. Фактически она была близка к катастрофе»; «Люди замерзали насмерть, а грузовики останавливались»; «Ленинград умирал». Результаты деятельности этой дороги Солсбери называет «медленно разго-

равшимся пятнышком»⁶⁰. Его не смущает, что это «пятнышко» на деле было мощным лучом, разгонявшим мрак, ярким источником надежд для ленинградцев в тяжелую блокадную пору. Прочитируем самого Солсбери: «Однажды В. Инбер стояла в очереди в булочную и слышала, как старуха поправила соседку: это не черный хлеб, — сказала она. — Это ржаной хлеб. Это ладожский хлеб... Это святой хлеб»⁶¹... Затем в главах 44 и 46 автор, составляя своего рода бухгалтерский реестр жертв блокады и интересуясь главным образом расхождениями в цифрах из различных источников, лишь мимоходом отмечает, что дорога стала действовать лучше, скупо сообщая некоторые цифры о ее работе за январь — апрель 1942 года⁶².

Отчего же тогда с первого же дня существования этой беспримерной в истории магистрали ее деятельность приводила гитлеровское командование в бешенство? Да оттого, что противник в своих расчетах начисто исключал возможность создания по льду Ладожского озера надежной коммуникации, способной обеспечить насущные нужды населения города и активно действующих войск фронта и Балтийского флота. А то обстоятельство, что такая дорога была создана и действовала, спутало все карты врага. Генерал Гальдер в своем дневнике с нарастающим беспокойством и тревогой отмечал день за днем (26, 28, 29, 30 ноября, 4, 7, 8, 10 декабря), как нарастает эффективность работы Ладожской магистрали. Вот его запись от 16 декабря 1941 г.: «Переброска войск противника через Ладожское озеро привела к усилению пруппировки противника на Ладожском участке фронта. Противник под Ленинградом вновь усилил свои атаки»; от 30 декабря: «Опять тяжелый день! Большое беспокойство вызывают атаки противника в районе Ладожского озера, где ему также удалось прорвать наш фронт. Настроение беспокойное». Напомним и высказывание Манштейна: «Гитлер надеялся на возможность вынудить Ленинград и его население к сдаче голодной блокадой. Но Советы перечеркнули его планы, организовав снабжение города через Ладожское озеро, летом с помощью судов, зимой — по построенной на льду дороге»⁶³. Уделив немало страниц Ледовой дороге, Солсбери так и не нашел добрых слов, чтобы сказать о значении этой магистрали для жизни и борьбы ленинградцев, которые видели в ледовом пути своего первого друга и помощника. Защитники Ленинграда, победившие голод и врага, вправе спросить у автора: для чего же он посвятил свою книгу «людям Ленинграда»? Это — кощунство, г-н Солсбери!

Железная воля ленинской партии и советского народа сделала невозможное возможным, превратив суровую Ладогу во фронтную коммуникацию, которая обеспечивала Ленинград и его защитников всем насущно необходимым. Что касается фактов, то они таковы. Строительство дороги через Ладожское озеро было начато по указанию Государственного Комитета Обороны. Повседневный контроль за ее работой осуществлял член Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь Ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б), член Военного совета Ленинградского фронта А. А. Жданов. Военный совет фронта мобилизовал почти всех людей, знавших Ладожское озеро. Была проведена всесторонняя и глубокая воздушная, наземная и ледовая разведка, тщательно изучены и обобщены имевшиеся научные материалы по водному режиму и ледяному покрову озера. По льду было проложено за зиму 1941/42 г. 1770 км дорог⁶⁴, на восточном и западном берегах созданы перевалочные базы и склады, питательные и медицинские пункты, ремонтные мастерские, разверну-

⁶⁰ Harrison E. Salisbury. Op. cit., pp. 412, 420, 422, 493.

⁶¹ Ibid., p. 422.

⁶² Ibid., p. 516.

⁶³ Э. Манштейн. Утерянные победы. М. 1957, стр. 264.

⁶⁴ Архив МО СССР, ф. 102-ВАД, д. 5, оп. 23249.

та сеть госпиталей, затем построены сотни километров грунтовых дорог, прилегающих к озеру. От Войбокало до восточного берега в короткий срок возвели 35-километровую железную дорогу. Из глубины страны нескончаемым потоком направлялись продовольствие, боеприпасы и топливо к восточному берегу озера. Целенаправленная работа не прекращалась ни днем, ни ночью. Чего стоит после этого утверждение Солсбери: «Никто не знал наверняка, можно ли построить ледовую дорогу!»⁶⁵.

Первый же автотранспорт, прошедший с грузом 22 ноября 1941 г. по ледовой трассе, показал, что сложнейшая военно-техническая задача по строительству и эксплуатации дороги буквально под носом у врага успешно решена. Теперь требовалось организовать правильное функционирование пути. Первые полтора месяца, когда дело только налаживалось, перевозили 367 тонн грузов в день. Но уже 25 декабря рабочие и ИТР стали ежедневно получать 350 граммов хлеба вместо 250, служащие, иждивенцы и дети — по 200 вместо 125 граммов⁶⁶. Это решение было встречено защитниками Ленинграда с ликованием. Со слезами радости на глазах они обнимали друг друга и целовались, понимая, что это первая ласточка грядущей победы над извергами, пытавшимися задушить великий город голодом. Резкое улучшение в работе Ладожской коммуникации наступило после ряда организационно-технических и политических мер, принятых Военным советом фронта. Если с 22 ноября 1941 по 1 января 1942 г. было доставлено в Ленинград 16,5 тыс. т грузов, то в январе — 55 тыс. т, в феврале — 94,6 тыс. т, в марте — 114,3 тыс. т, а за двадцать дней апреля — 73,9 тыс. тонн⁶⁷. За указанное время работы ледовой магистрали доставлено в Ленинград 361,3 тыс. т грузов, в том числе 262 419 т муки, пшеницы, ржи, крупы, риса, мясных продуктов, масла, сахара, фруктов и ягод, шоколада, кофе, какао и др.

«Дорога жизни» не только обеспечила продовольствием текущую потребность войск фронта и населения города, но и позволила создать запасы муки на 58 дней, крупы — на 57 дней, мяса и рыбы — на 140 дней, сахара — на 90 дней, жиров — на 123 дня⁶⁸. Через три месяца после сооружения Ладожской трассы выдача хлеба увеличилась: рабочим и инженерно-техническим работникам — в 2 раза, служащим — в 3,2 раза, детям — в 2,4 раза⁶⁹. Так был сорван гитлеровский план сломить Ленинград голодом. Помимо продовольственных грузов, в город было завезено 34 717 т горюче-смазочных материалов, 25 тыс. т угля, 31 910 т боеприпасов и взрывчатых веществ. Если это количество боеприпасов перевести на вес снаряда 76-миллиметровой пушки, то увидим, что артиллеристы фронта могли выпустить по врагу 2 млн. 920 тыс. снарядов⁷⁰. Но и это еще не все. По ледовой трассе непрерывно шло пополнение для войск фронта. Только за первые двадцать дней апреля 1942 г. было перевезено 21 354 человека. Доставлялись также артиллерия и танки. В декабре 1941 — январе 1942 г. по этой трассе для усиления 54-й армии, занимавшей оборону внешней стороны кольца блокады, были переброшены с вооружением и боевой техникой 80, 115, 11, 177, 198 и 265-я стрелковые дивизии. А в начале февраля 1942 г., во время ожесточенных боев за Погостье, уже из Ленинграда была переброшена 124-я танковая бригада вместе с тяжелыми танками «КВ». По этой же дороге эвакуировалось население и тяжелораненые — 549 тыс. человек⁷¹.

Лишившись своего «союзника» — голода, немецко-фашистское коман-

⁶⁵ Harrison E. Salisbury. *Op. cit.*, p. 408.

⁶⁶ «Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза». Т. 1. Л. 1944, стр. 119.

⁶⁷ Архив МО СССР, ф. 102-ВАД, д. 5, оп. 23249, стр. 51.

⁶⁸ «На защите Невской твердыни», стр. 340.

⁶⁹ Архив МО СССР, ф. 217, оп. 1546, д. 7/1, стр. 368.

⁷⁰ Там же, ф. 102-ВАД, д. 5, оп. 23249, стр. 51.

⁷¹ Там же, стр. 53.

дование разработало третий по счету план захвата Ленинграда, который был изложен в директиве № 41 ставки Гитлера от 5 апреля 1942 года. В части, касавшейся Ленинграда, в директиве указывалось: «Главная задача состоит в том, чтобы, сохраняя положение на центральном участке, на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами»⁷². Под Ленинград стягивались новые, свежие немецкие дивизии; были переброшены войска из-под Севастополя с осадной артиллерией; подтягивались танки и другая боевая техника. Враг создал внушительную ударную группировку с целью начать новый штурм Ленинграда и добиться соединения с финнами.

По указанию Ставки Верховного Главнокомандования войска Ленинградского и Волховского фронтов начали упреждающие наступательные действия. Сил противника, находившихся в обороне, оказалось недостаточно, чтобы парировать удар двух фронтов. Немецко-фашистское командование было вынуждено вводить в бой части, предназначенные для штурма. В результате ударная группировка под командованием «специалиста по штурмам» генерал-фельдмаршала Манштейна была разгромлена и обескровлена. Очередной план штурма провалился. Войска Ленинградского фронта улучшили свое оперативное положение. В январе 1943 г., используя благоприятную обстановку, создавшуюся в ходе разгрома немецкой армии под Сталинградом, войска Волховского и Ленинградского фронтов нанесли решительный удар по врагу и в жестоких боях прорвали блокаду южнее Ладожского озера. Это была победа огромного военного, политического и морального значения. Она предшествовала полному разгрому немецко-фашистских войск под Ленинградом в январе — феврале 1944 года. Январский прорыв 1943 г. значительно улучшил положение Ленинграда. По полосе отвоеванной у врага суши в короткий срок построили железную дорогу от Шлиссельбурга до Поляны, ставшую основной коммуникацией снабжения города и войск фронта. С 7 февраля 1943 по март 1944 г. по этой дороге было доставлено в Ленинград более 230 тыс. вагонов с продовольствием и боеприпасами⁷³. А теперь послушаем автора книги: «Январская победа мало что изменила в Ленинграде. Люди двигались, словно лунатики, онемевшие в результате ужасных переживаний и не уверенные в будущем»⁷⁴. Такова «объективность» Солсбери!

Не довольствуясь клеветой на ленинградцев, проявивших чудеса героизма, организованности и стойкости, и изображая их в массе своей трусами и паникерами, людьми с низким моральным духом, Солсбери предпринял экскурс и в русскую военную историю. Напоминая читателю о годах, когда у Ижоры Александр Невский разбил иноземных захватчиков, Солсбери патетически вопрошает: «Теперь Ижорская земля опять содрогалась от шума битв, опять судьба России была брошена на чашу весов. Но где же Невский XX столетия?» И отвечает: «Его не было»⁷⁵. Что, собственно, имеет в виду г-н Солсбери? Полководца-одиночку, который дает генеральное сражение и в нем повергает врага? Но эти времена давно прошли. Сейчас воюют по-другому. К чему же лицемерный пафос? Или, может быть, он приводит слово «Невский» индифферентно, как символ полководческого искусства военачальников? Но тогда возникает вопрос, кто же разбил наголову хваленые войска «третьего рейха» и поверг в прах фашистское государство? Разве не советский народ, руководимый Коммунистической партией? Разве не наши полководцы, истинные Невские новейшего времени, вели вперед победоносные войска? Или американский журналист забыл, что вторая ми-

⁷² Г. Дерр. Поход на Сталинград. М. 1957, стр. 127.

⁷³ «Октябрьская железная дорога в период Великой Отечественной войны». Т. 2. Л. 1945, стр. 150.

⁷⁴ Harrison E. Salisbury. Op. cit., p. 551.

⁷⁵ Ibid., p. 278.

ровая война закончилась в логове фашизма, в Берлине, где остатки гитлеровских армий безоговорочно капитулировали, а советские воины водрузили знамя Победы над рейхстагом? Мы ответим г-ну Солсбери устами его соотечественника: «Грамота Ленинграду. От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Ленинграду в память о его доблестных воинах и его верных мужчинах, женщинах и детях, которые, будучи изолированными захватчиком от остальной части своего народа и несмотря на постоянные бомбардировки и несказанные страдания от холода, голода и болезней, успешно защищали свой любимый город в течение критического периода от 8 сентября 1941 года по 18 января 1943 года и символизировали этим неустранимый дух народов Союза Советских Социалистических Республик и всех народов мира, сопротивляющихся силам агрессии. Франклин Д. Рузвельт. 17 мая 1944 года. Вашингтон»⁷⁶.

Так обстоит в книге дело с фактами, причем их рассмотрение можно было бы продолжить с тем же «успехом» для автора. Мы вынуждены были остановиться на деталях картины, нарисованной Солсбери, для того, чтобы стала ясной его основная концепция, о которой говорилось в начале статьи. Эта концепция — антисоветизм. Гниль составляющие здание строительные детали, насквозь гнила и концепция, лежащая в основе архитектурной композиции книги. Грубое искажение исторических фактов, тенденциозная их подборка и необъективное освещение, предвзятость в подходе к реальному материалу источников — вот пятый коренной порок книги Гаррисона Солсбери, вот окончательные впечатления от обстоятельного ознакомления с «домом, который построил Гарри». И если уж вам, читатель, доведется «посетить этот дом», не забудьте потом вымыть руки!

Советский народ, победоносно закончив Великую Отечественную войну, вернулся к мирному созидательному труду. Под руководством Коммунистической партии он добился гигантских успехов в борьбе за построение коммунизма. Еще сильнее стала наша страна, окрепло ее экономическое и военное могущество. Но подвиг защитников Ленинграда не забудется никогда, он навечно вписан золотыми буквами в историю советского народа. «История знает немало примеров героической обороны крепостей и городов,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, вручая городу-герою Ленинграду медаль «Золотая Звезда». — ...Но легенды седой старины и трагические страницы не столь далекого прошлого бледнеют перед той несравненной эпопеей человеческого мужества, стойкости и самоотверженного патриотизма, какой была героическая 900-дневная оборона осажденного Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Это был один из самых выдающихся, самых потрясающих массовых подвигов народа и армии во всей истории войн на земле. Мужество ленинградцев, доблесть защитников города Ленина навсегда сохранятся в благодарной памяти нынешнего и грядущих поколений советских людей»⁷⁷.

Ленинград в сознании народов был и останется символом массового героизма, стойкости, беззаветной борьбы против сил реакции и победы над ними. И никакие потуги фальсификаторов не в силах затмить немеркнущую славу города-героя, народов Советского Союза и его Вооруженных Сил!

⁷⁶ «Ленинград, дважды орденоносный». Л. 1945, стр. 39.

⁷⁷ «Правда», 11.VII.1965.